

Гжегож Червиньский (Grzegorz Czerwiński) МЕЖДУ СТЕРЕОТИПОМ И ЕГО «ДЕШИФРАЦИЕЙ». ПЕРСОНАЖИ УКРАИНЦЕВ И КАТЕГОРИЯ «ТОЧКИ ЗРЕНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛОДЗИМЕЖА ОДОЕВСКОГО

Данная статья посвящена творчеству современного польского писателя Влодзимежа Одоевского¹. Используя категорию «точки зрения» Б. А. Успенского² и социологические категории, связанные с понятием стереотипа (и его «дешифрации»³), мы описываем в этой статье так называемый «подольский цикл» писателя, действие которого происходит на Западной Украине во время Второй мировой войны (1939-1945). В произведениях писателя говорится о кровавой борьбе между поляками и украинцами, о ненависти между двумя народами, живущими вместе. Главными героями произведений являются две семьи: поляков Войновичей и русских Черественских. Антигероем цикла является старший сын Ивана Черественского и украинской крестьянки Семен Гаврилюк, атаман отряда украинских националистов.

Цель статьи – проследить на примере творчества Одоевского и выбранных автором статьи произведений «кресовой школы» в польской литературе, каким образом творчество автора «Засыплет всё, завевет...» не вписывается в рамки идеологии, созданной некоторыми польскими писателями 19-го и 20-го столетий (Г. Сенкевичем, З. Коссаком-Щуцкой, М. Дунином-Козицкой), а наоборот, этот стереотип расшифровывает («дешифрует»). Одоевский постоянно находится в поисках правды о минувших событиях на Подолье и Волыни. Он пытается найти возможность мирно преодолеть последствия исторических конфликтов между двумя народами.

Стереотипы, то есть, как их назвал автор этого понятия Уолтер Липпман, – «образцы в наших головах», возникают в процессе генерализации определённых мнений о разных социальных группах (по теме расы, национальности, религии и т.д.), когда общине приписываются черты отдельных индивидов (тех, которые входят в состав общины). Стереотипы часто существуют по принципу метонимичности (часть заменяет целое, лат. *pars pro toto*), и потому их отношение к фактам является дискуссионным⁴. Стереотипы тесно связаны со словом, текстом, то есть – с языком. «Авербальных стереотипов нет» – замечает один из исследователей этого явления. Это языковые структуры включают в себе системы ассоциаций, связанных с данным стереотипом. Они являются его главным девизом⁵. Дополнительно надо сказать, что стереотипы не зависят от личного опыта индивидуального человека. Они существуют внутри общей социальной передачи по принципу *cliché*, который, повторяемый при отсутствии рефлексии (механически – как бы сказал Липпман), моделирует общие представления о «других».

В польской культуре можно найти очень сильно укоренившуюся тенденцию к негативной валоризации наций, которые граничат с Польшей (негативный стереотип). Это касается прежде всего соседей, проживающих за восточной границей (Беларусь, Украина, Россия). Такое же отношение поляков к восточным странам мы можем наблюдать уже в древние времена. В различных польских текстах 17-го и 18-го веков, в которых появляется тема Востока, с одной стороны, мы можем встретить ряд ходячих слов, определяющих восточные этнические общины, с другой стороны, в этих текстах мы можем также найти высказывания об очень экспансивном характере восточных культур, то есть – Русского царства (потом Российской империи), татар и турков. Последняя проблема пробуждает больше эмоций на так называемых Восточных Кресах, которые непосредственно находились под угрозой вторжения чужой культуры, а очень часто и чужих войск. Осознание этой угрозы является источником стереотипов, таких как: «передовой пост», «твердыня христианства», «польская миссия на Кресах» (положительный стереотип).

Эта проблема усложняется во второй половине 19-го века, когда у наций, живущих на землях, которые перед разделом Польши (напомним, что разделы произошли в 1772-1795 гг.) входили в её состав на востоке (Восточные кресы), появляются идеи независимости. На Подолье, Волыни и Восточной Украине пробуждается национальное сознание украинцев (хотя полностью, в качестве потребности собственного государства, как утверждают историки, оно возникнёт всего лишь в начале 20-го века⁶). Всё это происходит на землях, которые до сих пор воспринимались поляками, по правде говоря, как отличающиеся от центральной Польши, но всегда как польские земли. Польско-украинские отношения существовали до сих пор только на социальном уровне. Украинцев (русинов)⁷ не воспринимали тогда как отдельный народ. В глазах польской шляхты это были просто крестьяне. Во второй половине 19-го века в польской литературе

¹ В. Одоевский родился в 1930 г. в Познани. С 1971 г. находится в эмиграции, проживает в Мюнхене (Германия). «Подольский цикл» – самое известное произведение автора. В его состав входят сборник рассказов «Закат мира» (Варшава 1962) и два романа: «Остров защиты» (Варшава 1964) и «Засыплет всё, завевет...» (Париж 1973). Тема Украины и польско-украинских отношений поднимается во всех произведениях писателя (например, в романе «Оксана», в рассказе «...и понесли кони» и т.д.).

² См. Б. А. Успенский Поэтика композиции. Санкт-Петербург 2000.

³ См. Z. Mitosek Literatura i stereotypy. Wrocław (Вроцлав) 1974.

⁴ См. У. Липпман. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. Москва 2004.

⁵ A. Schaff. Stereotypy a działanie ludzkie. Warszawa (Варшава) 1981. С. 44.

⁶ См. W. Pawluczuk Ukraina. Polityka i mistyka. Kraków (Краков) 1998. С. 49.

⁷ Имеется в виду настоящие понятие слова «русин»: русины – этноним, употреблявшийся в начале 20-го века по отношению к православному населению второй Речи Посполитой, а затем по отношению к населению Галиции (Галичины), Буковины и Закарпатья.

существуют два стереотипа: стереотип русского и стереотип украинца/казака, причём иногда трудно заметить разницу между этими двумя стереотипами.

В известных польских произведениях второй половины 19-го века наиболее стереотипный образец польско-украинских отношений мы можем найти в «Огнём и мечом» Генрика Сенкевича (1884 г.), где война Польши с казаками является борьбой добра со злом. Автор трилогии, в которую кроме «Огнём и мечом» входят ещё «Потоп» (1886 г.) и «Пан Володыёвский» (1888 г.), создаёт свою философию истории согласно концепции о том, что Бог в этой войне стоит на стороне поляков, которые выполняют его историческую миссию. Сенкевич тенденциозным образом показывает польско-казаческий конфликт (или польско-украинский, потому что, как утверждают историки, казаков Хмельницкого можно считать родоначальниками украинского народа). Основная моральная оппозиция в произведениях автора – это «добро – зло», «наше – чужое». Казаки – это дикая толпа пьяных мятежников. Хороший казак – это только тот, кто является подданным Польши. Сенкевич даже не допускает мысли о том, чтобы украинский народ вообще смог существовать. К сожалению, исторические стереотипы из его произведений проникли так сильно в польскую культуру, что до сих пор в Польше «думается Сенкевичем», как писал польский современный писатель Тадеуш Конвицкий⁸.

В 1980 г. Владзимеж Одоевский выразил свое отстраненное отношение к творчеству Сенкевича на радио «Свободная Европа» во время передачи, посвященной живописи Мыколы Самокиша. «Наши отношения с ближайшими соседями с востока были – мягко говоря – очень разнообразными. Не место вспоминать здесь взаимные вины и долги. Общеизвестно, что многие наши писатели, с Сенкевичем во главе, украинцев и Украину тоже представляли в «кривом зеркале», неточно и не раз тенденциозно. Фальсифицирование же взаимоотношений искажало реальную картину»⁹.

В первой половине 20-го века наиболее односторонним и стереотипным продолжением сенкевичевской традиции являются воспоминания о революции Зофии Коссак-Щуцкой («Пожар», 1922) и Марии Дунин-Козицкой («Буря с востока», 1925), в которых польско-украинские отношения показываются обычно в форме конфронтации польской шляхетской усадьбы, являющейся символом культуры, и отсталой, пьяной украинской деревни.

Эти две книги отличаются друг от друга по уровню стереотипизации. М. Дунин-Козицкая в «Буре с востока» анализирует прошедшую и настоящую социально-политическую ситуацию (несправедливый раздел земли, коммунистическая пропаганда, необразованность, пьянство и т.д.). Она хочет найти причину польско-украинского конфликта, расшифровать тайну «кресового зла» и преодолеть стереотипные представления. М. Коссак-Щуцкая не совершает такой попытки. Более того, этнические стереотипы в книге автора имеют наиболее, кажется, крайний характер, превращаясь в скором времени в предрассудки. М. Коссак-Щуцкая любит создавать совместные характеристики любых народных или этнических групп. Всегда использует сильно кодифицированные стереотипы, показывает свою особую ненависть к украинцам и русским (не отличая их друг от друга, употребляя в качестве синонимов этнонимы «украинец», «русский», «русин»), а также к евреям и азиатам, которых вообще не считает людьми.

Творчество Одоевского в обрисованный выше род стереотипа не вписывается, более того – оно этот стереотип «дешифрует». Одоевский, можно сказать, «в поисках ответа». Он не хочет обосновывать сложившееся раньше мнение, как это делали М. Коссак-Щуцкая и М. Дунин-Козицкая. Более того, автор «Острова защиты» глубоко осознает существование в мышлении каждого человека стереотипов, которые, как записанные в языке, являются неизменным элементом каждой культуры. Кажется, что именно это осознание позволяет ему более широко взглянуть на «кресовую» проблематику.

«Когда автор строит свое повествование, – пишет Б. Успенский – перед ним, вообще говоря, открыты две возможности: он может вести описание со ссылкой на то или иное индивидуальное сознание, то есть использовать какую-то заведомо субъективную точку зрения, – или же описывать события по возможности объективно. Иначе говоря, он может оперировать данными какого-то восприятия (или нескольких восприятий) или же известными ему фактами»¹⁰. Стиль Одоевского можно поместить между модернизмом и постмодернизмом (современная наррация, множество точек зрения, причем часто невозможно определить, с чьей точки зрения описывается действие). У Одоевского повествование неизменно ведется от третьего лица, которое доносит точки зрения героев, а те в свою очередь сообщают точки зрения других героев. Так что повествование состоит из нескольких уровней и всегда является сильно субъективным.

В «Засыплет всё, завет...» – главном романе не только «подольского цикла», но всего творчества писателя, – Украину и польско-украинские отношения читатели познают прежде всего с точки зрения Павла Войновича, польского землевладельца, участника Второй мировой войны в отрядах Армии Крайовой (персональное повествование, нем. *personale Erzählung*). В романе замечается редукция точек зрения других народов, живущих на Подолье¹¹. Факт организации художественного мира романа с точки зрения польской кресовой традиции должен в какой-то степени давать результат стереотипного указания проблемы, потому как стереотип является всегда частью национального самосознания. И это правда, что в действии романа можно найти много ситуаций, в которых украинцы являются негативными персонажами, а

⁸ T. Konwicki Kalendarz i klepsydra. Warszawa (Варшава) 1982. С. 133.

⁹ W. Odojewski Notatnik półprywatny. W kręgu kultury. Lublin (Люблин) 1996. С. 128.

¹⁰ Б. А. Успенский. Поэтика композиции. Санкт-Петербург 2000. С. 138.

¹¹ Ср. О. Weretiuk Od języka dialogu do języka walki (Leopold Buczkowski, Włodzimierz Odojewski, Ulas Samczuk) // O dialogu kultur wspólnot kresowych. Ред. S. Uliasz. Reszów (Жешув) 1998.

взгляд главных героев на польско-украинскую проблематику близок мнению З. Коссак-Щуцкой¹². Но надо заметить, что точка зрения главного героя романа не совпадает с точкой зрения автора. Более того, даже в среде польских землевладельцев нет единого взгляда на эту проблематику. В произведениях В. Одоевского мы встречаем ряд дискуссий, которые переоценивают многие повсеместные мифы и стереотипы¹³. Кроме «польской» точки зрения появляется взгляд «белого» русского, Николая Черественского, и его сына Теодора. В «Острове защиты» действие описывается с точки зрения Пётра Черественского, полуполяка и полурусского. Таким образом, у читателя есть возможность самому решать, кто из героев прав.

Например, когда читаем у Одоевского о «рабской русинской душе», или о фальши в словах и действиях всех украинцев, или когда всех украинских бойцов за независимость называют «бандитами» и «гайдамаками», трудно согласиться, что это мнение автора. Здесь же только рассказчик выражает точку зрения того или иного героя. Даже если это будет взгляд Павла Войновича, вряд ли этот взгляд одинаково выражается и в плане идеологии романа. В произведениях В. Одоевского можно найти много подобных примеров. Но одновременно с этим главные герои Войновичи далёки от польского национализма. Это характеризует осознание Павлом недостойных действий поляков в отношениях к украинцам, его протест против народных предрассудков поляка Карпатки, и признание себя совиновным.

В художественном мире Одоевского нет простого разделения на «белое» и «чёрное». Главные герои – очень сложные. Им далеко хотя бы до персонажей «Пожара» Коссак-Щуцкой. Психологическая конструкция Павла Войновича сложная, избегающая сенкевичевских характерологических сплюснутостей. С одной стороны, например, Павел помогает покинутой всеми жене Карпатки, с другой стороны, посещая один из домов по дороге к своему военному отряду, бьет ногой лежащую на полу без сознания женщину и лишает.

В «подольском цикле» мы очень часто наблюдаем массовые насильственные действия, направленные против поляков. Например, когда украинские националисты Семена Гаврилюка организуют погромы польских усадеб. Павел Войнович также устраивает погром украинского дома, убивая не только виновных в нападении на его усадьбу, но и женщин с детьми. Хотя в обеих ситуациях мы наблюдаем погром с «польской» точки зрения, а Гаврилюк существует только как персонаж-тень, который во время целого действия «Засыплет всё, завет...» говорит лишь одну фразу, рассказчик не оценивает, кто прав. Это очень существенно, если вспомнить, что сам автор, будучи на Подолье в 1943 году, стал свидетелем погромов польского народа. Он видел геноцид поляков, но сумел оценить польско-украинскую историю объективно. Для него зло остаётся злом, без разницы, с чьей стороны оно приходит.

В «подольском цикле» не национальность решает, кто хороший, а кто плохой (так было в произведении З. Коссак-Щуцкой). «*Всі були. І поляки, і німці, і українці. Всі мучили*» – говорит на местном диалекте после одного из погромов женщина, которая пережила этот погром. Таких примеров можно найти и больше. На Западной Украине, как везде в мире, жили хорошие и плохие люди, хорошие и плохие поляки, как и хорошие и плохие украинцы. Национальность не имеет в этом деле значения. Думается, что это один из тезисов «подольского цикла».

Читатель не получает в романе Одоевского готовых ответов. Автор, интерпретируя подольские события, прежде всего ставит вопросы, ищет (польская известная профессор литературоведения Мария Янион стратегию повествования Одоевского назвала «расследованием»¹⁴). И именно из-за этого, без разницы какой язык описания и интерпретации употребляется в повествовании, вопросы общего уровня остаются вне сферы стереотипов. Только тогда в этих вопросах раскрывается наднарраторская точка зрения, которая прежде всего расшифровывает стереотипы, существующие в «подольском цикле».

В этой статье появилась уже информация о дискуссиях в среде польских землевладельцев. Мы должны ещё её дополнить. Децентрализация главного языка повествования в произведениях Одоевского происходит также тогда, когда рассказчик доносит точку зрения «белого» русского Николая Черественского и его сына Теодора. Таким образом, появляется в «подольском цикле» своеобразная полифоничность (или стереофоничность)¹⁵. Взгляд Теодора Черественского – это взгляд человека, который держится в стороне (говоря о поляках и украинцах, всегда подчёркивает местоимения «вы», «вашей» и т.д.). Его вопросы о генезисе распалённой на Подолье ненависти, которые он ставит во время беседы с Павлом, касаются польско-украинских отношений. Оказывается, что нельзя говорить о какой-то сильной национальной антиномии в произведениях Одоевского. Как украинцев, так и поляков мы встречаем по обеим сторонам конфликта. Больше того, национальная проблема на Подолье очень сложная. Только крайний национализм воспринимает всё в однозначных категориях.

Теодор Черественский считает, что на польско-украинскую проблему надо посмотреть иначе. Он её сначала хочет превратить в противостояние шляхетская усадьба – деревня, землевладельцы – крестьяне, богатые – бедные. Однако и с этой перспективы, оказывается, невозможно найти причину подольских конфликтов. Теодор сразу говорит, что так эту проблему решают только в брошюрах марксистов, для которых эти проблемы всегда ясны. И дальше спрашивает: «Может причина того, что здесь происходит,

¹² См. Т. Довжок Бездомність на тлі пейзажу у творчості Ярослава Івашкевича та письменники «нової української школи» // Ярослав Івашкевич і Україна. Збірник наукових праць. Ред. Р. Радишевський, Київ 2001. С. 263.

¹³ См. М. Inglot «Zasypie wszystko, zawieje...» Włodzimierza Odojewskiego. Rzecz o utracie Kresów // Polska powieść XIX i XX wieku. Interpretacje – analizy – konteksty. Т. 2. Ред. L. Ludowski. Lublin (Люблин) 1993. С. 73.

¹⁴ См. М. Янион Wobec zła. Chotomów (Хотомув) 1989.

¹⁵ Ср. М. Rabizo-Birek Dialog i zderzenie kultur w «cyklu podolskim» Włodzimierza Odojewskiego // O dialogu kultur wspólnot kresowych. Ред. S. Uliasz. Rzeszów (Жешув) 1998. С. 348.

кроется в другом? А может, как мозаика, состоит из многих элементов, которые я не в состоянии соединить? Я об этом думаю постоянно и не понимаю». Кажется, что вопросы Теодора – это тоже вопросы самого Одоевского. Он тоже во всех своих книгах каким-то образом «об этом думает и не понимает»...

Конфронтация в творчестве Одоевского и в описанных выше текстах «кресовых» писательниц (как наиболее ортодоксальные примеры с точки зрения стереотипизации) доказывает, насколько сильно укоренился стереотип «восточного соседа» в польской культуре и насколько он устойчив к изменениям. В. Одоевскому, хотя он и употребляет сильно кодифицированный язык польской кресовой культуры, удалось в этом аспекте преодолеть этот стереотип. Так и автор настоящей статьи пытался доказать: писатель представляет в своём произведении целое сложной польско-украинской проблематики, а не только то, что положительно описывает польскую сторону конфликта.

Но есть один аспект творчества Одоевского, в котором мы сможем найти целую гамму разнообразных стереотипов. Он касается отношения писателя к Советскому Союзу и Азии – варварскому пространству. В произведениях автора надвигающаяся с Востока степь является пространственным олицетворением коммунистической идеологии. Писатель постоянно придаёт Востоку негативные черты, представляя его как Антихриста. Запад является его героям положительным пространством культуры, где даже фашистская Германия – это только «язва», трагическое исключение на фоне чистейших идей (!). Кажется, что это не столько тоталитаризм сам по себе возбуждает такие сильные эмоции в героях и в самом авторе, сколько скрытый глубоко в подсознании европейцев страх Азии (отклик мнений О. Шпенглера, Ф. Знанецкого, М. Здзеховского). В «подольском цикле» мы можем заметить как бы идентификацию советов с азиатским варварством, борьба с которым считается продолжением исторической миссии поляков.

В заключении надо ещё сказать, что за метафорикой азиатской степи скрывается Одоевский-публицист, пользующийся геополитической, антикоммунистической риторикой. Конструкция пространства выполняет второстепенную роль в отношении к выраженным автором тезисам. Надо всё-таки понимать, что В.Одоевский пишет роман «Засыплет всё, завеет...» во время коммунизма, который в сознании большинства поляков ассоциируется с зависимостью от СССР, продолжением исторического раздела Польши с 18-го века. Но это уже тема для отдельной статьи.

Резюме

Статья посвящается творчеству современного польского писателя Влодзимежа Одоевского. В ней описывается так называемый «подольский цикл» писателя, действие которого происходит на Западной Украине во время Второй мировой войны. Цель статьи – на примере творчества Одоевского и выбранных автором статьи произведений «кресовой школы» польской литературы проследить, каким образом творчество автора «Засыплет всё, завеет...» не вписывается в рамки идеологии, созданной некоторыми польскими писателями 19-го и 20-го столетий (Г. Сенкевичем, З. Коссаком-Щуцкой, М. Дунин-Козицкой), а наоборот, расшифровывает («дешифрует») этот стереотип. В статье показывается, каким образом Одоевский пытается найти возможность мирно преодолеть последствия исторических конфликтов между двумя народами.

Streszczenie

Artykuł jest poświęcony twórczości Włodzimierza Odojewskiego. Przedmiotem analizy jest „cykl podolski” pisarza. Celem artykułu jest prześledzenie, na przykładzie twórczości Odojewskiego i wybranych przez autora artykułu utworów „szkoły kresowej” w literaturze polskiej, w jaki sposób twórczość autora „Zasypie wszystko, zawieje...” nie wpisuje się w ramy ideologii stworzonej przez niektórych polskich pisarzy XIX i XX w. (H. Sienkiewicz, Z. Kossak-Szczucka, M. Dunin-Kozicka), a wręcz przeciwnie, ten stereotyp deszyfruje. W artykule zostało pokazane, w jaki sposób Odojewski próbuje znaleźć możliwości pokojowego przewyciężenia historycznych konfliktów między dwoma narodami.

Summary

The main aim of this paper is Włodzimierz Odojewski's "Podolia cycle" (books: "No Island of Salvation", "It Will All Be Converged up, Drifted...", "The Twilling of the World"). Attention is devoted to describe how Odojewski writes about the Polish-Ukrainian relationship during the Second World War. The books of the Polish contemporary writer are compared with the ideology of "Kresy school" in Polish literature of XIX and XX century (for example: H. Sienkiewicz, Z. Kossak-Szczucka, M. Dunin-Kozicka) and it is possible to notice how Odojewski's point of view is different and free of stereotypes. In the article is showed how Odojewski tries to find a possibility of solving historical conflicts between two nationalities.